

На пути цивилизационных перемен

Сложившаяся в нашей стране ситуация выглядит довольно противоречивой. Выбрав капитализм, Россия стремится быть похожей на Запад, но путь этот оказывается слишком трудным. Задуманные перемены приходят в столкновение с цивилизационными особенностями исторической России.

Вспомним: Западной Европе понадобился длительный период спецподготовки к новому общественному укладу в виде протестантской Реформации XVI—XVII веков. В России этого не было. Выстроить у себя капитализм только потому, что этого очень хочется, не удастся. История, хотя и является делом прошлого, противится человеческой прихоти. Она не позволяет ставить слишком вольных экспериментов. Не так давно мы уже пытались выстроить у себя модель социализма, казавшуюся нам идеальной. Для этого пришлось пойти на многие миллионы жертв. И все же подобная перемена в России потерпела фиаско. Созданное жизнеустройство оказалась не столь устойчивым, как виделось. Почему? Да потому, что социальные эксперименты обязаны учитывать в полной мере социокультурные характеристики преобразуемого общества. А это материя весьма и весьма тонкая.

Новые эксперименты над сегодняшней Россией в значительной мере держатся пока на информационной обработке сознания и на правовом принуждении, закрепляющем желаемые перемены. Только надолго ли? И не слишком ли дорого опять придется за все это заплатить, как было в свое время с социализмом? Видимо, от мировоззренческой растерянности мы уцепились в свое время за идею конвергенции (сближения) капитализма и социализма, когда принялись искать оптимальное соотношение между частной и государственной собственностью во имя гармонии рынка и плана. И снова мы оказываемся во власти социальной утопии. Это мы стали понимать, лишь перешагнув в XXI век. Появились иные соображения, затрагивающие институты собственности. Вспомним хотя бы такие известные в науке имена, как Д. С. Львов, В. С. Нерсесянц и некоторые другие. Специалист в области философии права В. Нерсесянц высказал мысль о построении постсоциалистического (цивилитарного) строя на базе так называемой гражданской собственности. (См. его статью «Постсоциалистическая Россия: цивилизм как национальная идея» в журнале «Общественные науки и современность», 2008, № 5). Этот вид собственности означает, что для каждого гражданина страны открывается личный счет, на который в централизованном порядке поступает равная для всех доля от суммарных доходов в обществе в результате функционирования любых хозяйственных систем, включая частные. За государством остается лишь право на налоги при полном отсутствии права собственности. Такого рода новшества уже нацелены на цивилизационные перемены с уважительным отношением к психологическим и социокультурным особенностям российского социума. Заметим, кстати, что таким путем мы уходим как от капитализма, так и от социализма. В рамках подобных преобразований государство должно будет приравниваться к обществу и потребностям его членов. Гражданская собственность является, таким образом, некой идеальной долей каждого собственника в общей совместной собственности всех граждан. Ее особенность заключается в том, что она не может быть изъята из общей собственности и стать предметом какой-либо сделки. В этом плане гражданская собственность оказывается ограниченной в части распоряжения ею.

Похоже, что все складывается не так уж плохо. И все же тревожат некоторые сомнения. Дело в том, что преобразованные таким образом институты собственности хотя и представляют собой определенное правовое новшество, тем не менее, не могут рассматриваться в качестве прочного основания для нового (цивилитарного) строя. Не пытаемся ли мы таким путем обогреть капиталистическое отношение? В. Нерсесянц полагает, что путь в будущее определен. Однако действительный социальный прогресс в данном случае, по существу, отсутствует. Подвижка произошла лишь в правовой сфере в форме некой оригинальной стыковки публичного и частного права. Трудность заключается в том, что частный интерес, опирающийся на действующий институт собственности, обладает невероятной изворотливостью и средствами маскировки. Конкуренция между людьми по доступу к материальным ценностям может доходить до преступных действий. Нередко собственностью открывает путь к чрезмерному обогащению одних лиц в ущерб

многим другим. Мы живем в обществе не трудовых доходов. Не случайно П. Прудон утверждал, что собственность есть кража. Владение сокровищами превращается в предмет престижа, тогда как реальные материальные потребности человека отходят на второй план.

В самом отношении собственности наблюдается тенденция к структурным изменениям в составе правомочий, с выходом на первый план правомочия распоряжения. Это проявляется в усилении значимости рынка и отношений купли-продажи, в росте числа спекуляций. Владеть и распоряжаться объектом собственности становится важнее, чем пользоваться. Отношения собственности оказываются средством различного рода махинаций и спекуляций. Сама экономика становится спекулятивной, что выражается в усилении значимости финансово-игровых институтов (бирж) и трансформации хозяйственных систем в соответствии с денежными критериями. Социально-экономические модели общества обретают черты финансово-экономических моделей, отодвигая на задний план социальные и духовно-нравственные аспекты жизнеустройства. Пользование и потребление, основанное на праве собственности, становится менее долговечным, уступая лидерство правомочиям владения и распоряжения в интересах рыночных спекуляций. Что касается потребностей, то их удовлетворение все менее нуждается в праве собственности, как в важном правовом регуляторе.

В сложившихся институтах собственности существует малоприметный, но, пожалуй, самый главный дефект, который до сих пор прячется в идеологической и мировоззренческой тени. Дефект этот заключается в том, что интеллектуально-творческие (творческие) способности человека не считаются его неотъемлемой собственностью. То, что мы всегда называем трудовым ресурсом, переходит в собственность работодателя. Отсюда феномен наемного труда. Такая форма труда существовала и существует при наличии частной и государственной собственности. В литературе в этой связи даже говорят о скрытой форме человеческого рабства, его цивилизованной форме. Это весьма жесткая оценка, но определенные основания для нее имеются. Существенный момент заключается в хроническом нравственном изъяне практически всех ныне существующих моделей жизнеустройства. Создается впечатление, что здесь лежит постоянно действующий источник аморального поведения людей, приводящий к психологическому дискомфорту социальной среды, к ее нравственному «загрязнению». Факт отчуждения трудовых способностей человека от самого человека как личности свидетельствует о слишком затянувшимся неблагоприятном состоянии «экологии культуры».

Гражданская форма собственности лишь частично снижает упомянутое чувство дискомфорта. И есть опасение, что таким способом мы лишь маскируем актуальность вышеупомянутой фундаментальной проблемы человеческого общества, заключающейся в преодолении наемного характера труда. А между тем, решение этой проблемы существует. Более того, оно лежит чуть ли не на поверхности. Однако правительственные структуры от него презрительно отворачиваются. Речь идет о коллективных (а точнее кооперативных) формах собственности, которые не только хорошо известны, но и практически применялись в ряде стран мира, и особенно широко в России, в конце XIX и начале XX века. Не исключено, что именно с этим обстоятельством связан бурный экономический рост тогдашней России (так называемое русское экономическое чудо), всерьез напугавший западную цивилизацию — прежде всего, в лице Англии и США. Напомним в этой связи слова ведущего английского экономиста Э. Нори накануне Первой мировой войны: «Если западные страны не сумеют удержать Россию, то к 1930 году ей не будет соперников. И Европа и США окажутся на коленях перед таким гигантом». Примерно в то же время был опубликован демографический прогноз: к 1980 году в России будет проживать 380 млн человек. Было чего пугаться.

В современной России хорошо известен уникальный опыт М. Чартаева (экономиста и руководителя хозяйств в Дагестане)

по созданию современной формы кооперации — союзов собственников-совладельцев. Об этом я писал, в частности, в работе «Проблемы экоразвития современного общества» (Новосибирск, 2009, гл. 3). Результаты системы Чартаева более чем впечатляющие. И что особенно существенно: ее применение исключало наемный труд. Однако уникальный опыт не прижился в перестроенной России, а сам М. Чартаев внезапно умер в 2001 г. в период своей активной деятельности. Упомянем одну из его работ с многозначительным названием «Союз собственников-совладельцев — выход из тупика». Работа была напечатана в тезисном варианте в Международном сельскохозяйственном журнале (1997 г., № 4, с. 29—31). Вне всякого сомнения, чартаевский опыт мог бы быть широко распространен в самых различных отраслях хозяйства, кардинально реорганизовав всю систему жизнеустройства, придав ей черты духовно-нравственной цивилизации.

Вытеснение частной и государственной форм собственности за счет расширения ареала кооперативной собственности — это единственный способ отказа от наемного труда, благодаря которому человек становится постоянным собственником своего интеллектуально-творческого (трудового) потенциала. Тем самым уничтожается, наконец, скрытая форма рабства, ибо доходы обретают исключительно трудовой характер. И это, действительно, выход из тупика, о котором говорил М. Чартаев.

Создание и совершенствование кооперативной экономической системы России с учетом исторических социокультурных особенностей российской цивилизации могло бы стать предметом различного рода исследований и проектов для экономистов, юристов, философов, социологов, экологов и т.д., поскольку здесь находится огромный пласт проблем, определяющих исключительно актуальные цивилизационные перемены в России. К большому сожалению, этого пока не происходит. Такое упущение нельзя считать допустимым, особенно если Россия хочет сохранить свои духовно-нравственные ценности и претендует на достойное место в мире в силу своего особого (евразийского) геополитического положения.

Нынешняя правовая система в России (и не только в России) не может поддерживать нравственную атмосферу в обществе. И не только потому, что мы не умеем избавиться от безнравственных личностей в политической элите, но и потому, что в правах и свободах человека и гражданина мы не усматриваем конституционно закрепленного этического начала в организации хозяйственной деятельности. Наше мировоззренческое заблуждение заключается в игнорировании базисного характера социокультурных институтов общества и тесно связанного с ними духовно-нравственного императива в экономических, правовых и иных отношениях. Цивилизационные перемены в обществе не могут быть в отрыве от этих институтов.

Самое печальное заключается в том, что сегодня конституционная гарантия защиты социальных прав оказалась под вопросом. Тезис о социальном государстве обрел в значительной степени декларативную форму. Экономическая политика в этическо-правовом аспекте обнаружила черты своего несовершенства, поскольку оказался нарушенным принцип справедливости. Социальное неравенство между людьми стало невозможно оправдать различием таланта, трудолюбия и даже профессионализма. Обогащение становится чаще всего результатом корыстолюбия, обмана, коррупции, изворотливости и беспринципности. Правовое регулирование при этом расписывается в своем бессилии, и, следовательно, не может выполнять возложенные на него функции. Оно неэффективно, ибо подчинено эгоистическим интересам, не имея под собой должных этических оснований.

В современном обществе существует представление, что действие властных структур, опирающееся на закон, равносильно проявлению права. Это ведет, с одной стороны, к юридическому позитивизму, а с другой — к экономическому волонтаризму. При этом мы забываем, что правовое принуждение подчинено нравственному императиву, а значит, выполняет лишь служебные, а не властные повелительные функции. Право подчинено

задачам межлических отношений и не может быть инструментом слепого насилия, способом оправдания сверхобогащения и социальной несправедливости. Пора понять, что деньги не могут быть средством достижения господствующего положения в обществе или, тем более, неким эквивалентом общемировой власти.

Вся юридическая практика, включая правотворчество и правоприменение, не может быть отделена от своих этических оснований, от строгого следования принципам нравственности. Любое наше правовое действие должно быть подчинено целям развития и совершенствования как внутриобщественных отношений, так и отношений между обществом и природой. Экономическая политика должна быть безупречной в своих духовно-нравственных установках, реализуя эти установки с помощью правовых средств. Пути решения проблем интеграции политики и права лежат в плоскости юридической этики. Данная отрасль исследований призвана заниматься не только процессами правореализации, но и содержательной стороной правотворчества, которое в настоящее время, подчиняясь нуждам политики, фактически вышло из сферы должного внимания юридической этики, что хорошо видно, в частности, из конституционного требования к формам собственности.

Ю. Г. Марков, д. ф. н.

Перечень научных и научно-организационных мероприятий по СО РАН на январь

15—17, г. Красноярск. Всероссийская конференция «VI Всесибирский конгресс женщин-математиков». Организаторы — Институт вычислительного моделирования СО РАН (660036, г. Красноярск, Академгородок, 50; тел.: (391) 249-88-11); Красноярский государственный торговый-экономический институт; Сибирский федеральный университет; Сибирский государственный технологический университет; Институт вычислительных технологий СО РАН.

30 января — 2 февраля, г. Кемерово. «Инновационные недра Кузбасса. IT-технологии-2010». Организаторы — Кемеровский государственный университет (650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6; тел.: (384-2) 58-44-03, тел./факс: 58-32-47), Институт вычислительных технологий СО РАН (630090, г. Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 6; тел.: (383) 330-87-85, факс: 330-63-42), Институт угля и углемии СО РАН (650610, г. Кемерово, ул. Рукавишников, 20; тел.: (384-2) 28-18-83, 25-93-00; факс: 21-18-83).

Информация

В соответствии со ст. 53 Закона Новосибирской области «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Новосибирской области» газета «Наука в Сибири» публикует сведения о размере и других условиях оплаты печатных площадей для зарегистрированных кандидатов в депутаты Совета депутатов г. Новосибирска.

Стоимость размещения рекламы за один квадратный сантиметр (в т.ч. НДС 18 %) — 50 руб. Работа журналиста — 2500 руб. + НДС 18 %.